

Научная статья

УДК 821.161.1.0

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-85-95

«Птицелов» из ремизовского «гнезда»: к парижской биографии поэта Дмитрия Кобякова

Елена Рудольфовна Обатнина

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Санкт-Петербург, Россия

lena.eo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>

Аннотация

Статья посвящена неизвестным сюжетам из биографии Дмитрия Кобякова – одного из поэтов «потерянного поколения», разделившего судьбу послевоенных репатриантов. На основании неопубликованных писем Кобякова, сохранившихся в американском архиве А. М. Ремизова, автор выявляет мотивы сближения известного писателя и начинающего поэта, связанные с изданием его поэтических сборников и общими новаторскими тенденциями в художественном поэтическом и прозаическом дискурсе второй половины 1920-х гг. Статья представляет собой первую часть исследования, посвященного событиям литературной жизни русского Парижа, в центре которых при поддержке Ремизова оказался Дм. Кобяков; содержит существенные дополнения к литературному портрету молодого корреспондента Ремизова, а также к библиографии русского зарубежья. Описание истории этих творческих контактов объективирует новый документальный материал, восполняющий лакуны также и в биографии Ремизова, касающиеся темы литературного наставничества писателя, вокруг которого в 1920-х – начале 1930-х гг. образовалось «гнездо» молодых литераторов.

Ключевые слова

русская эмиграция, биография, новаторство, критика, эстетика литературного мифа, художественный дискурс, футуризм, библиография

Для цитирования

Обатнина Е. Р. «Птицелов» из ремизовского «гнезда»: к парижской биографии поэта Дмитрия Кобякова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 85–95. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-85-95

The “Bird Catcher” From Remizov’s “Nest”: To the Paris Biography of the Poet Dmitry Kobiakov

Elena R. Obatnina

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Science

St. Petersburg, Russian Federation

lena.eo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>

Abstract

The article is dedicated to unknown plots from the biography of Dmitry Kobyakov – one of the poets of “lost generation” who shared the fate of post-war Soviet repatriates. On the basis of unpublished letters of Kobyakov from the American archive of A. M. Remisov the author reveals the motives of the rapprochement of a famous writer and an aspiring poet. At the external level it was connected with the publication of Kobyakov’s verse books, but on a latent level had according with innovative trends in artistic poetic and prosaic discourse of the second half of the

© Обатнина Е. Р., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 85–95

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 85–95

1920s. The article presents the first part of the study devoted to the literary life of Russian Paris, in the center of which with the support of Remizov appeared unknown Dm. Kobyakov; it contains substantial additions to the literary portrait of young Remizov's correspondent, as well as to the bibliography of Russian abroad. The description of the history of these creative contacts is the object of new documentary materials that also fill the gaps in Remizov's biography concerning the topic of literary mentorship of the writer and 'nest' of young writers had formed around him in the 1920s – early 1930s.

Keywords

Russian emigration, biography, narratology, innovation, criticism, aesthetics of literary myth, artistic discourse, futurism, bibliography

For citation

Obatnina E. R. The "Bird Catcher" From Remizov's "Nest": To the Paris Biography of the Poet Dmitry Kobiakov. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 85–95. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-85-95

Воспоминания о довоенной жизни, определенно, не вписывались в контур советского бытия Дмитрия Юрьевича Кобякова (1898, по другим данным, 1902–1978), вернувшегося в СССР летом 1957 г.¹ Эмигрант с 1920-го, поэт, учредитель и редактор нескольких журналов русского зарубежья², Кобяков как в первые годы приобщения к новой социалистической идентичности, так и в последующие, когда в 1966–1977 гг. в московских и алтайских издательствах стали издаваться его книги по занимательной лексикографии, старался не афишировать свои давние контакты с писателями русского зарубежья, не реабилитированными в официальной печати. Имя Алексея Михайловича Ремизова (1877–1957) оказалось накрепко для него забытым и, если и называлось, то лишь в перечислительном ряду с другими деятелями парижской эмиграции [Софиев, 2012, с. 51]. Однако благодаря этому вычеркнутому из памяти Кобякова писателю, сберегшему в своем личном архиве двадцать девять писем малоизвестного поэта³, мы имеем возможность восстановить историю творческих контактов яркого представителя первой волны эмиграции, без которого в наши дни немыслима история русской литературы XX в., и одного из «незамеченного поколения» эмигрантской одиссеи [Варшавский, 2010, с. 157]. Три бурных года (1925–1927) по интенсивности творческого развития Кобякова можно считать лучшими годами его литературной биографии.

Предположительно, поздней осенью 1924 г. поэт, недавно приехавший из Праги [«Скит»..., 2006, с. 41], начал свое погружение в литературную жизнь русского Парижа с визита на rue Mozart, где в это время жил Ремизов, с которым он уже в 1923 г., находясь в Югославии, вступил в переписку. В январе 1925 г. их отношения уже наэлектризованы личными беседами, отправной точкой которых, судя по новой подписи поэта – *Кобяков*, появившейся в первом после личного знакомства письме, адресованном писателю, – послужила тема происхождения его фамилии.

Древний род Кобяковых известен по описаниям генеалогов. Существует несколько ономастических версий первоначального имени [Кобяков, 2015, с. 321–340]. Но для Ремизова и его супруги Серафимы Павловны – профессионального специалиста по древнерусской палеографии, звучание фамилии молодого гостя прежде всего оживляло в памяти страницы «Слова о полку Игореве», повествующие о набегах полчищ «поганого хана Кобяка» на владения русских князей. Более того, в ремизовской личной коллекции рукописных документов русской бытовой культуры XVII–XIX вв., собранной для второго тома книги «Россия в письменах» (Ремизов, 2017, т. 13, с. 427–676), упоминалось имя еще одного пращура поэта. Старинная купчая, датированная 1742 г., представляла собой свидетельство о крупной торговой сделке дворянина Пронского уезда Федора Ивановича Кобякова. По всей вероятности, Ремизов не располагал сведениями о родословной этого представителя рязанской ветви ге-

¹ См. исследовательские статьи, опирающиеся на архивные автобиографические документы Кобякова: [«Скит»..., 2006, с. 226–227; Серков, 2020; Соболев, Тименчик, 2019, с. 713–716; Марьин, 2009, с. 128–129].

² См., в частности, статью [Устинов, 2013; Поляков, 2015, S. 248–249].

³ Amherst College Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers (далее Amherst с указанием шифра). В настоящее время письма готовятся к печати.

неалогического древа, являвшегося, как отражено в источниках XV в., потомком касимовского царевича Кобяка Айдаровича⁴. Однако писатель, несомненно, воспринял появление в Париже наследника древнего рода Дмитрия Юрьевича Кобякова как символическое подтверждение связи времен. Об исторической памяти, запечатленной в именах, он написал в предисловии к публикации оригинального текста купчей, вскоре подготовленной к печати для первого номера журнала «Благонамеренный» (Брюссель, 1926), начатого изданием в Брюсселе под редакцией сверстника Кобякова – князя Д. А. Шаховского:

Начну со «Слова о полку Игоревѣ» о в. князе Святославе и о половецком хане Кобяке, не потому что о них речь, а потому что в «купчей» покупатель потомок «поганого» хана – Кобяков: купил Кобяков у Левашова крестьянина Абрама Панова с женою, с детьми, с их дворовым и хоромным строением, с хлебом стоячим и молочным и в земле посеянным, с мелкою и рогатою скотиной и лошадьми и со всеми их крестьянскими пожитками, в вечное владение, впрок, бесповоротно за 50 рублей; а у Секериной крестьянскую девку Ксению Иванову, никому не проданную, не заложенную и ни в каких крепостях не укрепленную, за 3 рубля. И вот судьба – «въ вѣчное владѣше, въ прокъ, бесповоротно!» – а последний въ роде, последний поганый хан Кобяк, поэт Дмитрий Кобяков не серым волком по степи рыщет, а в Париже на железной дороге на товарной станции сцепщик вагонов, и так черный-половчанин! – а от мазута, копоти и пыли что уж чернее не бывает, и дети зовут его галчонком, ныряет под вагонами со своими стихами (цит по: (Ремизов, 2017, т. 13, с. 639)).

С этого времени Кобяков на rue Mozart именуется «ханом Кобяком», да и сам он нередко подписывает свои письма Ремизову сердечным приветствием «Ваш поганый Хан Кобяк Половецкий» (Amherst. Series 1. Box 4. Folder 1).

По характеру переписки мы можем предположить, что для Ремизова встреча с новым знакомым неожиданно проявила как созвучие в личных художественных интуициях, так и совпадения в области лексикографических интересов, связанных со словесной «археологией». Кобяков, в автобиографических документах упоминавший о прослушанных в 1918 г. в Одессе лекциях Д. П. Овсянко-Куликовского по языкознанию и М. Г. Попруженко по славянской мифологии [Марьин, 2009, с. 128], по всей вероятности, сумел стать писателю достойным собеседником.

В самом начале личного знакомства открылись и грани поэтического таланта этого молодого человека, который в начале 1925 г. подготовил к печати сборник стихотворений под названием «Керамика». Еще неопубликованное стихотворение, присланное Ремизову в первом из сохранившихся парижских писем, отчасти позволяет выявить общие лирические мотивы творчества.

11–I–<19>25. <Париж>

Многоуважаемый Алексей Михайлович.

Будущую неделю (с 17-го по 23 января) я работаю от 6 утра до 2 дня. С большим удовольствием увижу Вас. Напишите, когда можно прийти вечером <...>. В конце января выходит моя Керамика. Здесь я посылаю обещанную вещь <...>.

Искренне уважающий Вас
Дмитрий Кобяков

Мой адрес:
Мне. Gare du Bourget. Dransy-Triage. Seine

Из «Керамики»

Мне ль для тебя – сказать, так будет жутко –
очнувшись в четкости запнувшихся минут –
твой мутный сон – в прорытых промежутках
засыпать строфами – горою черных руд.

Иди, иди! проснешься ли от боли,
от диких выкриков алтайских колдунов –

⁴ См., в частности, генеалогическое описание на портале «История, культура и традиции Рязанского края».

в парижских улицах – и в этом я не волен –
скалистый кряж – покрытый лесом снов.

И пусть покажется средь острошипцы кровель
в покрытых лунной чешуей стенах –
твой дым костра – во дни алтайских ловель
В парижских улицах разметывает прах!

Дмитрий Кобяков

14–VIII–<19>24

Прага

(Amherst. Series 1. Box 4. Folder 10)

Возможно, Ремизова привлекла строфа, соединившая визуально-звуковые ассоциации парижских городских реалий с воображаемым ландшафтом Сибири и обрядами «алтайских колдунов». Оксюморон, раскрывающий мироощущение инородца в чужой национальной культуре, мог напомнить писателю его собственный рассказ «Белое знамя», написанный в 1913 г. по впечатлениям от поездки в столицу Франции. Сюжет этого небольшого автобиографического текста перенесен в область эмоционального восприятия «заграницы». Бесприютность героя в европейском городе здесь передавалась при помощи эффекта фантомного преобразования иностранной речи в родной звуковой фон московской улицы:

Все то же и теперь, и в этот раз, так же огоньки на Сене-реке горят и знакомо все, вышел я на улицу – и не наша улица, не наши дома, не наши названия, а словно в Таганке, так знакомо все до последнего камушка. По этой Таганке иду, а что-то жутко, тревога растет <...> шум, гам, стук стоит, кричат, и выкрикивают и все слышится: «Раки живые! Раки живые!» – будто наш разносчик кричит, и тревога еще больше... (Ремизов, 2000, т. 3, с. 165).

Таковы были минутные настроения путешественника дореволюционных времен. В условиях эмиграции культурная память воспринималась писателем своего рода надежным «убежищем», спасительным оазисом родного мира в чужой среде и оставалась непреходящим источником его творчества.

Алтайские «отголоски» воображаемой России в поэзии молодого эмигранта были не более чем романтической фантазией, сновидением наяву, навеянным ностальгией и, может быть, «голосом крови» или вспышками прапамяти. Для Ремизова Алтай также представлял собой эфемерную и заповедную тему несбывшихся мечтаний дореволюционной жизни, мысленно возвращавшую его к краткому эпизоду биографии, когда вместе с писателем Вяч. Шишковым он строил планы о поездке в край тунгусских шаманов для изучения фольклора и обрядов [Вахненко, 2018, с. 19–20]. Как известно, в отличие от Ремизова, Кобяков изменил траекторию своей судьбы ради воплощения алтайского «сна», однако реальность советского Барнаула для уроженца Москвы оказалась тяжелее, чем ему представлялось [Мансков, 2018. С. 5–6]. В 1925 г. мысль о возможном возвращении в Россию объединяла двух познакомившихся в Париже соотечественников.

Под автографом стихотворения, отправленного Ремизову в память о близкой им обоим «алтайской» мечте, поэт подписался, поставив ударение над буквой я. Благодаря коллекции Рукописного отдела Пушкинского Дома мы имеем возможность обратиться к автографу поэтического цикла, написанному Кобяковым в 1922 г., для того чтобы удостовериться, было ли обозначение «правильного» звучания фамилии привычной формой подписи Кобякова⁵. Отсутствие диакритического знака подтверждает нашу догадку о том, что такую форму написания он стал использовать лишь начиная с января 1925 г., т. е. после встречи с Ремизовым.

«Крещение», принятое на rue Mozart, подарило поэту не только имя «хан половецкий Кобяк», ставшее применительно к человеку XX в. мифологическим, но и литературный псевдоним Кобяков. На обложках всех его авторских сборников – «Керамика» (1925), «Вешняк»

⁵ Кобяков Дм. Цикл стихотворений из книги «Простые слова». Автограф с надписью «Проф<ессору> Е. А. Ляцкому для журн<ала> “Огни”», с подписью «Дмитрий Кобяков. Адриатика. 1922 год» (ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 5. № 198). Речь шла о сборниках «Огни», которые в издательстве Ляцкого «Пламя» предполагалось выпускать вместо газеты «Огни» (Прага, ред. Ф. В. Рихтер; 1924 № 1–22). Издание не состоялось.

(1926), «Горечь» (1927) и «Чаша» (1936) – фамилия автора печаталась с изящным диакритическим значком. Эти книги выпускались под маркой собственного издательства «Птицелов». Таким образом, оплатив свой приход на русский Монпарнас за счет «трудовых» средств, автор продемонстрировал собственную независимость от редколлегий издательств, выпускающих в Париже книжную продукцию. Подчеркнуто акцентированный вариант фамилии Кобяков также использовал эксклюзивно для переписки с Ремизовым, в то время как во всех других сферах жизни поэт благополучно о нем забывал⁶.

Зимой 1925 г. при участии Ремизова в литературной судьбе Кобякова началась череда событий, которые благоприятствовали его литературной известности, далеко не всегда сопровождавшейся позитивными коннотациями. Наравне с молодыми парижанами Вадимом Андреевым, Брониславом Сосинским и Владимиром Диксоном, считавшими себя учениками Ремизова, Кобяков вскоре стал одним из литературных протеже писателя, рекомендованным редактору журнала «Благонамеренный» в качестве потенциального автора и будущего союзника молодежной «коалиции», противопоставившей старшим литераторам-эмигрантам внепартийное творчество, направленное на обновление средств выразительности художественного дискурса [Обатнина, 2020, с. 11–23]. Деятельная натура двадцатисемилетнего поэта явно вызвала ремизовские симпатии: писатель поощрял литературные начинания, которые, скорее всего, возникали в совместных обсуждениях. Так первоначально родилась идея молодежного сборника под ремизовским названием «Ухват» [Иоанн (Шаховской), архиеп., 1977, с. 221–222], постепенно преобразованная в форму издания сатирического одноименного журнала, первый номер которого появился в Париже 31 марта 1926 г. [Устинов, 2013, с. 142–144].

Однако до того как замысел журнала обрел реальные очертания, поэт Кобяков продолжил «завоевание» Монпарнаса. Осенью 1925 г. он как член Союза молодых поэтов и писателей объявляет о своем присутствии в ландшафте литературной столицы русской эмиграции изданием поэтического сборника «Керамика: Тринадцать вещей 1924 года», впервые поставив на обложке фамилию в новом звучании – с ударением над гласной второго слога. Сборник был замечен критикой, и даже одна из ругательных рецензий попала в портфель первого номера готовящегося к выпуску журнала «Благонамеренный».

Очевидный диссонанс отклика рецензента с рекомендациями Ремизова поставил Д. А. Шаховского в затруднительное положение. С одной стороны, Дмитрий Кобяков, упомянутый в очерке «Купчая», благодаря покровительству известного писателя вошел в современную литературу как «наследник» российского исторического прошлого, а с другой стороны, по вердикту авторитетного сотрудника журнала – филолога-пушкиниста и критика М. Л. Гофмана, оказался зачислен в список литературных посредственностей русского Парижа. Письмо последнего Шаховскому обнаруживает его авторство по отношению к рецензии на парижский дебют Кобякова, опубликованной под криптонимом «Р. Г.» в первом номере «Благонамеренного». Вероятно, отвечая на увещевания редактора смягчить составленное мнение, Гофман был непримирим:

Если Вы питаете слабость к Дм. Кобякову – выбросьте мою рецензию о нем в свою корзину. Столько написал Вам, что теперь могу просить мою душу на покаяние – по крайней мере на год [Иоанн (Шаховской), архиеп., 1977, с. 300].

Мнение Гофмана вскоре было поддержано на страницах берлинского «Руля» поэтом, критиком и впоследствии историком литературы русского зарубежья Г. П. Струве, который, анализируя сборник «Керамика», перечислял слабые стороны стихов Кобякова: «синтаксический скелет их рассыпается, как труха, бессмыслицы в них нагромождены на бессмыслицы», «этот

⁶ Не использовал Кобяков ударение в письмах к М. А. Осоргину (1926 – 1930-е гг.). Эти эпистолярные документы сохранились в архиве последнего (РГАЛИ. Ф. 1464. Оп. 1. № 407); отсутствует ударение и на титуле журнала «Ухват», выходявшего под редакцией Кобякова (1926). Публикация архивных источников, связанных с сотрудничеством Ремизова и Осоргина в журнале, подготовлена нами к печати в рамках следующей статьи, посвященной эмигрантской биографии Кобякова.

недостаток не искупают отдельные удачные и свежие строки», которые соседствуют с настолько невнятным по смыслу, что становится «больно за русский язык» (Струве, 1925).

Как подтверждается содержанием первого номера «Благонамеренного», Шаховскому удалось принять паллиативное решение продиктованное, скорее, уважением к Ремизову, чем милосердием к Кобякову. Отзыв Гофмана был помещен в разделе «Библиография и критика» в виде реплики, начинающейся с многоточия. Критик, подписавшийся криптонимом «Р. Г.», практически вынес приговор неизвестному поэту, в подтверждение истинности своих суровых оценок пользуясь пространством цитированием стихотворных строк:

...хочу сказать несколько, очень немного, слов, не называя <...> имени автора, дабы не заставлять краснеть лишний раз в случае, если он когда-нибудь станет грамотнее (впрочем, на это, кажется, мало надежды). Стихи тяжелые, скучные, нудные, аритмичные, агармоничные, амелодичные <...> в таких плохих стихах бросается в глаза грозное явление современности, которое мы подмечаем в стихах и более даровитых поэтов: стихотворное фокусничество при отсутствии элементарной грамотности и варварская расправа с синтаксисом русского языка (Р. Г., 1926, с. 166).

Стихи из первого парижского сборника Кобякова «Керамика» в рецензии Гофмана узнавались только теми, кто пристально следил за новинками русской эмигрантской поэзии. Между тем для самого автора выпуск первого номера «Благонамеренного» не мог не запечатлеться в памяти как примечательное событие личной литературной биографии: имя его благодаря Ремизову осталось на слуху, а что касалось критики, то, как говорится, лиха беда начало: суждения приверженца поэзии золотого века вряд ли могла остановить в творческих порывах наследника хана Кобяка.

Вскоре был готов второй поэтический сборник. Как следует из писем поэта, название «Вешняк» для новой книги было найдено Ремизовым летом 1925 г. «Вешняк – мне нравится очень, – подтверждал Кобяков, вспоминая участие Ремизова в его творческих начинаниях, – стихи Вы читали раньше выхода книги» (Amherst. Series 1. Box 4. Folder 10). Источником имени для новой поэтической тетради послужил словарь «Живого великорусского языка» В. И. Даля, согласно которому диалектное слово толкуется как «окольная дорога, пролагаемая весною, в разлив» (Даль, 1989, с. 187).

Выход в свет второго парижского сборника стихов стал достойным поводом для посвящения Кобякова в кавалеры Обезьяньей Великой и Вольной Палаты – мифического социума людей, объединенных идеалами творческого братства и житейской взаимопомощи [Обатнина, 2001]. 8 августа 1925 г. Ремизов подготовил Обезьянью грамоту, спроецировав этот документ сразу на несколько знаменательных событий, среди которых приобщение Кобякова к Обезвельволпалу можно считать второстепенным в сравнении с обретенным поэтом «именным ярлыком», давшим название его новой книге. Предложенный заголовок заключал в себе символический образ будущего возвращения поэта в Россию: «изумрудный» вешняк, прокладываемый по лугам, в обход разлившимся половодий, – путь не прямой, но предвещающий весеннее начало новой жизни. Основной текст грамоты, подписанной канцеляристом Обезьяньей палаты, гласил:

Дана сия обезьянья грамота именной ярлык
поганому половецкому хану Кобяку
в знак возведения его в кавалеры 1 ст<епени> с
изумрудным вешняком обезьяньей великой и
вольной палаты

11. 8. <19>25
Paris⁷

⁷ Цит. по: Кобяков Дмитрий. Вешняк: Ритмический цикл. Париж: Птицелов, 1926. – Экземпляр РГБ с автографом автора: «Павлу Николаевичу Милюкову – с чувством глубокого и искреннего уважения. Дмитрий Кобяков. Март. Paris» (шифр: Рбс 10/3110).

Архаическая лексика этого документа восходила к ареалу значений тюркских слов из древнерусского словаря (ярлык – грамота, вежа – походный шатер), подчеркивающих полoweцкое происхождение новообращенного обезьяньего кавалера.

Несомненно, в память о напутственном подарке своего старшего собеседника и покровителя Кобяков отпечатал грамоту на авантитуле книги «Вешняк», которая, таким образом, открывалась страницей, заполненной ремизовской вязью, искусно воспроизводящей скоропись древнерусских писцовых бумаг.

В практике Ремизова, стремившегося к распространению своего графического творчества в печати, размещение грамоты в чужом авторском издании оказалось единственным в истории Обезвельволлпала прецедентом, выделяющим Кобякова в его молодежном окружении. Смысл этого литературного жеста был скрыт от несведущих и со стороны воспринимался, как один из экстравагантных кунштюков писателя, навязывающего своему читателю мифологию узкого дружеского кружка. Именно с таких позиций оценил репродуцирование грамоты один из рецензентов:

Эта книжечка, вышедшая в книгоиздательстве «Птицелов», снабжена факсимиле «обезьяньей грамоты», выданной на имя автора А. М. Ремизовым (как известно, наш маститый писатель и затейник любит этим развлекаться) (Руль, 1926).

Отчасти стороннее мнение не искажало истины, но в литературной биографии Дмитрия Кобякова отпечатанная небольшим тиражом книга стихов «Вешняк» благодаря обезьяньей грамоте стала литературным «памятником», увековечившим увлекательные беседы на гуде Mozart о значении древних слов, происхождении имен и возвращении в Россию.

Другое очевидное «присутствие» Ремизова в издании «Вешняка» было обозначено издательской маркой с изображением ушастого зверка (зайца) над гнездом с птенцами, в окружении надписей: «L'oiseleur / Птицелов». Рисунок был авторизован глаголической литерой, которую Ремизов ставил на всех своих графических произведениях. Из книг, выпущенных издательством Кобякова, только его авторские сборники печатались с маркой работы Ремизова, никогда не репродуцированной самостоятельно.

Уже ранней весной была собрана следующая книга стихов «Горечь», рождение которой отмечалось 19 марта на авторском выступлении в Союзе молодых поэтов и литераторов. Вечер открывался докладом критика Е. А. Зноско-Боровского. Во втором отделении поэт читал фрагменты из подготовленного к печати сборника и оставшейся неопубликованной поэмы «Панам» (Русское зарубежье..., 1995, с. 320).

Как свидетельствуют письма Кобякова, он искренне хотел поддержать традицию ремизовского наречения его книг, начатую изданием сборника «Вешняк», тем более что писатель и для нового сборника вызвался оформить обложку. Однако предложенное название «Щуп» кардинально разошлось с поэтикой стихотворений. Отвечая на очередной словесный «подарок» писателя, поэт, очевидно, продолжил уже затронутую в личной беседе тему своего «футуристического» прошлого. На страницах сохранившегося эпистолярного документа он с легкостью продемонстрировал живую память об экспериментальном творчестве известных словотворцев – И. Игнатьева и Н. Асеева.

Paris, le 20 января 1927 г.

Дорогой Алексей Михайлович!

Мне не уменьшить – увеличить хочется Ваш рисунок <...>.

Вот только название:

Щуп

Рисунок очень нравится мне и к стихам подходит. А название – боюсь – нет.

В этой книге не такие стихи. Потом пришлю Вам несколько стихов, прочтете. Что-нибудь вроде –

Ечерни етер, к<a>к,

помните

Засахаре кры

и

Ой конин дан окейн –

Асеева

Ечерни етер, просто – вечерний ветер. Вы поймете меня.

<...>

Привет Серафиме Павловне.

Искренне любящий Вас,

ДмКоб
(Amherst. Series 1. Box 4. Folder 10)

Пример практического освоения футуристической «зауми» («ечерный етер»), как и процитированные названия раритетных изданий русского авангарда 1910-х гг. (альманах «Засахрекры»; авторский сборник Н. Асеева «Ой конин дан окейн!»), являются для нас отнюдь не голословным подтверждением состоявшейся в юности «огранки» поэтических способностей Кобякова в кругу футуристов [Никольская, 2000, с. 70; «Скит»..., 2006, с. 41, 226] и, до известной степени, объяснением генезиса его поэтического языка. Эстетика эго- и кубофутуризма, влияние ранней поэзии Н. Асеева и Б. Пастернака в эмигрантском творчестве Кобякова сказалось гипертрофированными метафорами, пространственно-визуальными построениями поэтического нарратива, воспроизведением дискретного мыслительного потока и разговорной речи, с характерными словами синтаксических конструкций и поэтической метрики, – словом, именно тем набором отклонений от канонических норм художественного дискурса, которые в критике обычно аттестовались как языковая неграмотность.

Потенциальная предрасположенность поэта к разрушению привычного риторизма поэзии, возможно, заинтересовала Ремизова в большей степени, чем все другие творческие увлечения Кобякова. В эмигрантской литературе второй половины 1920-х гг. известный писатель являлся едва ли не единственным экспериментатором из поколения литературных корифеев, вставшим на путь возвращения в литературу живого разговорного языка. Путь к раскрепощению художественного повествования от условностей грамматической литературной нормы для Ремизова лежал через возвращение в круг чтения образцов речевого высказывания носителей русского «природного» языка, найденных в документах бытовой культуры прошлых столетий и памятниках древнерусской литературы. Его личная творческая задача состояла также в мастерском воспроизведении по слуховой памяти речевого образа современников. Такие примеры живой разговорной речи в 1926 г. были предъявлены в очерке «Воистину», посвященном памяти В. В. Розанова (Ремизов, 1926, с. 82–86; 2003, т. 10, с. 311–316), и в подготовленном писателем новом списке «Жития протопопы Аввакума» (1926, с. 1–73). Г. Адамович уловил эстетический посыл известного писателя, адресованный главным образом критикам, заметив на страницах парижского «Звена» (1926. № 186, 22 авг.):

Ремизов запальчиво отстаивает в послании к Розанову его, розановский, а заодно и свой, ремизовский стиль, т. е. разговорно-бессвязную, неупорядоченную речь в противоположность языку книжно-холодному, мертвенно-канцелярскому, ученому, «высокому». Интереснейший и сложный вопрос! Хотелось бы когда-нибудь «поднять перчатку», брошенную Ремизовым с усмешечкой, с лукавством, будто бы с благодушием, но на самом деле с гневом и раздражением, как отстаивают свое, самое дорогое (Адамович, 1998, с. 56–57).

Три первых года, проведенные Кобяковым в Париже, были наполнены интенсивной деятельностью, находившей отклик и поддержку Ремизова. В середине 1920-х гг. писатель сделал значительный вклад в литературу русской эмиграции, продвигая на страницы журналов «Благонамеренный», «Версты» и «Своими путями» имена новой (как советской, так и зарубежной) прозы и поэзии. Рисованная марка, подаренная Кобякову для его издательства «Птицелов», в своей композиции заключала личное отношение писателя к молодым литераторам эмиграции, которых он готов был пестовать, несмотря на разность жизненного опыта и в отдельных случаях даже мировоззрения. Такая позиция позволяет нам утверждать, что Ремизов в течение трех лет сотрудничества нашел в Кобякове единомышленника, близкого по творческим исканиям.

Сама проблема воспитания литературной молодежи стала приобретать для Ремизова конкретные формы в общении с молодыми писателями постреволюционного Петрограда. Именно об этом опыте обучения ремеслу Ремизов написал в книге «Ахру. Повесть петербургская»

(1922), полноправно поставив свое имя в один ряд с признанными учителями молодежи – Гумилёвым, Горьким и Замятиним. Здесь в очерке под названием «Крюк» он, облекая идею литературной школы в сказочную оболочку, писал об извечном, воспринятом от природы законе преемственности:

Есть одно русское литературное большое гнездо – Петербург-Москва. И от этого большого гнезда по всей по России – от океана до гор и от гор до моря и от моря до пустыни и от пустыни до других гор – малые гнезда <...>. Учатся звери и птицы и всякий мур и стрекоза, учатся черти, учатся и человек. У кого есть голос, всякий науку проходит... (Ремизов, 2000, т. 3, с. 17, 24).

Список литературы

- Варшавский В. С.** Незамеченное поколение: последняя прижизненная редакция / Предисл. О. А. Коростелева; сост., коммент. О. А. Коростелева, М. А. Васильевой; подгот. текста Т. Г. Варшавской, О. А. Коростелева, М. А. Васильевой. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; Русский путь, 2010. 544 с.
- Вахненко Е. Е.** Рецепция и трансформация фольклорных сюжетов коренных народов Сибири в сказках А. Ремизова // Вестник Том. гос. ун-та. 2018. № 431. С. 19–28.
- Иоанн (Шаховской), архиеп.** Биография юности: Установление единства. Париж: YMCA-PRESS, [1977]. 420 с.
- Кобяков Ю. А.** Лопасненская старина. Очерки истории края с древнейших времён до начала XX века. М., 2015. 376 с.
- Мансков С. А.** Барнаульский эмигрант // Дмитрий Кобяков / Ред.-сост. С. А. Мансков. Барнаул; Москва: Красногорский полиграфический комбинат, 2018. С. 5–10.
- Марьин Д. В.** Русская этимология и лексикография в исследованиях Д. Ю. Кобякова // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 128–135.
- Никольская Т.** «Фантастический город»: русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921). М.: Пятая страна, 2000. 192 с.
- Обатнина Е.** Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 384 с.
- Обатнина Е. Р.** Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть первая: «Эстетическое разложение» // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 8–53.
- Поляков Ф.** Югославянские контакты Алексея Ремизова в 1920-е – 1930-е годы // Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook. 2015. № 3. S. 248–262.
- Серков А. И.** Российские масоны. 1721–2019. Биографический словарь. Век XX. М.: Ганга, 2020. Т. 2. С. 170–173.
- «Скит». Прага 1922–1940: Антология. Биографии. Документы / Вступ. ст. Л. Н. Белошевской; сост., биографии Л. Н. Белошевской, В. П. Нечаевой. М.: Русский путь, 2006. 768 с.
- Соболев А., Тименчик Р.** Венеция в русской поэзии. Опыт антологии. 1888–1972. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 1104 с.
- Софиев Ю.** Вечный юноша. Дневник. Алматы: Седьмая верста, 2012. 160 с.
- Устинов А.** Стихотворение, содержащее аллегорию, или Последняя публикация Бориса Божнева // Toronto Slavic Quarterly. 2013 (Winter). No. 43. P. 137–148.

Список источников

- Адамович Г.** Собр. соч. / Вступ. ст., сост., примеч. О. А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 1998. Кн. 2: Литературные беседы. «Звено». 1926–1928. 510 с.
- Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1989. Т. 1: А–З. 699 с.
- Житие протопопа Аввакума, им самим написанное / Список и примеч. А. М. Ремизова // Версты. 1926. № 1. Приложение. С. 1–73.
- ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

- История, культура и традиции Рязанского края. URL: <https://62info.ru/history/node/10704> (дата обращения 01.06.2021).
- Р. Г. [Гофман М. Л.]. [Рец.] // Благонамеренный. 1926. № 1. С. 166–167.
- РГБ – Российская Государственная библиотека (Москва).
- Ремизов А. М. «Воистину». Памяти В. В. Розанова: К 70-й годовщине со дня рожд. 3.5 / 20.4 1856 (†1919) – 1926 // Версты. 1926. № 1. С. 82–86.
- Ремизов А. М. Собр. соч. М.; СПб.: Русская книга; Росток, 2000. Т. 3; 2003. Т. 10; 2017. Т. 13.
- РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).
- Руль – [Б/п.] Рец. // Руль. 1926. № 1630, 14 апр.
- Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни: В 4 т. / Под ред. Л. А. Мнухина. М.: ЭКСМО, 1995. Т. 1: 1920–1929. 608 с.
- Струве Г. Дмитрий Кобяков. Керамика. Книгоиздательство «Птицелов». Париж, 1925 (14 стр.) [Рец.] // Возрождение. 1925. № 6, 6 июня.
- Amherst – Amherst College Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers.

References

- Ioann (Shakhovskoy), archbishop.** Biografiya yunosti: Ustanovlenie edinstva [Biography of Youth: Establishing Unity]. Paris, YMCA-PRESS Publ., 1977, 420 p. (in Russ.)
- Kobyakov Yu. A.** Lopasnenskaia starina. Ocherki istorii kraia s drevneishikh vremen do nachala XX veka [Old Lopasnen. Sketches of the history of the region from ancient times until the beginning of the 20th century]. Moscow, 2015, 376 p. (in Russ.)
- Manskov S. A.** Barnaul'skii emigrant [Barnaul Emigrant]. In: Dmitrii Kobiakov. Ed. and comp. by S. A. Manskov. Barnaul; Moscow, Krasnogorskii poligraficheskii kombinat Publ., 2018, pp. 5–10. (in Russ.)
- Maryin D. V.** Russkaya etimologiya i leksikografiya v issledovaniyakh D. Yu. Kobyakova [Russian Etymology and Lexicography in the Studies of D. Yu. Kobyakov]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2009, no. 2, pp. 128–135. (in Russ.)
- Nikolskaya T.** “Fantasticheskiy gorod”: russkaya kul'turnaya zhizn' v Tbilisi (1917–1921) [“Fantastic City”: Russian Cultural Life in Tbilisi (1917–1921)]. Moscow, Pyataya strana Publ., 2000, 192 p. (in Russ.)
- Obatnina E.** Tsar' Asyka i ego poddannye: Obez'yan'ya Velikaya i Vol'naya Palata A. M. Remizova v litsakh i dokumentakh [Tsar Asyka and His Subjects: A. M. Remizov's Great and Free Monkey Chamber in Persons and Documents]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2001, 384 p. (in Russ.)
- Obatnina E. R.** Etyudy k tvorcheskoi biografii A. M. Remizova: 1926–1927 gg. Chast' pervaya: ‘Esteto-razlozhenets’ [Studies on A. M. Remizov's Creative Biography: 1926–1927. Part 1. ‘Aesthete-Degenerate’]. *Literaturnyi fakt [Literary Facts]*, 2020, no. 3 (17), pp. 8–53. (in Russ.)
- Polyakov F.** Yugoslavianskie kontakty Alekseya Remizova v 1920-e – 1930-e gody [The Yugoslav Contacts of Alexey Remisov in the 1920s and 1930s]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook*, 2015, no. 3, pp. 248–262. (in Russ.)
- Serkov A. I.** Rossiiskie masony. 1721–2019. Biograficheskii slovar'. Vek XX [Russian Masons. 1721–2019. Biographical Dictionary. 20th Century]. Moscow, Ganga Publ., 2020, vol. 2, 748 p. (in Russ.)
- “Skit”. Praga 1922–1940: Antologiya. Biografii. Dokumenty [“Skit”. Prague 1922–1940: Anthology. Biographies. Documents]. Intr. by L. N. Beloshevskaya; comp. by L. N. Beloshevskaya, V. P. Nechaeva. Moscow, Russkii put' Publ., 2006, 768 p. (in Russ.)
- Sobolev A., Timenchik R.** Venetsiya v russkoi poezii. Opyt antologii. 1888–1972 [Venice in Russian Poetry. An Experimental Anthology. 1888–1972]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019, 1104 p. (in Russ.)

- Sofiev I.** Vechnyi yunosh. Dnevnik [Eternal Youth. Diary]. Almaty, Sed'maya versta Publ., 2012, 160 p. (in Russ.)
- Ustinov A.** Stikhotvorenie, sodержashchee allegoriyu, ili Poslednyaya publikatsiya Borisa Bozhneva [A Poem Containing an Allegory or, a Recent Publication by Boris Bozhnev]. *Toronto Slavic Quarterly*, 2013 (Winter), no. 43, pp. 137–148. (in Russ.)
- Vakhnenko E. E.** Retsepsiya i transformatsiya fol'klornykh syuzhetov korennykh narodov Sibiri v skazkakh A. Remizova [Reception and Transformation of Folklore Stories of Indigenous Peoples of Siberia in A. Remisov's Fairy Tales]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin], 2018. no. 431, pp. 19–28. (in Russ.)
- Varshavsky V. S.** Nezamechennoe pokolenie: poslednyaya prizhiznennaya redaktsiya [Invisible Generation: The Last Life Edition]. Intr. by O. A. Korostelev, comp. and comment. by O. A. Korostelev, M. A. Vasilieva; text prep. by T. G. Varshavskaya, O. A. Korostelev, M. A. Vasiliev. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna Publ.; Russkii put' Publ., 2010, 544 p. (in Russ.)

List of Sources

- Adamovich G.** Collected Works. Intr., comp., comment. by O. A. Korostelev. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1998, vol. 2: Literary Conversations. “Zveno”. 1926–1928, 510 p. (in Russ.)
- Anonim.** [Review], *Rul'*, 1926, no. 1630, April 14. (in Russ.)
- Dal V. I.** Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka [A Vocabulary of the Great Living Russian Language]. In 4 vols. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1989, vol. 1: A–Z, 699 p. (in Russ.)
- R. G.** [Gofman M. L.]. [Review]. *Blagonamerennyi*, 1926, no. 1, pp. 166–167. (in Russ.)
- Remizov A.** “Voistinu”. Pamyati V. V. Rozanova: K 70-i godovshchine so dnya rozhdeniya 3.5 / 20.4 1856 (†1919) – 1926 [Remisov A. “Truly”. Remembrance of V. V. Rozanov: For the 70th Birthday Anniversary. 3.5 / 20.4 1856 (†1919) – 1926]. *Versty*, 1926, no. 1, pp. 82–86. (in Russ.)
- Remizov A. M.** Collected Works. Moscow, St. Petersburg, Russkaya kniga Publ., Rostok Publ., 2000, vol. 3; 2017, vol. 13. (in Russ.)
- Russkoe zarubezh'e. Khronika nauchnoi, kul'turnoi i obshchestvennoi zhizni [Russian Abroad. Chronicle of Academic, Cultural, and Social Life: 1940–1975]. In 4 vols. Ed. by L. A. Mnuhkhin. Moscow, EKSMO Publ., 1995, vol. 1: 1920–1929, 608 p. (in Russ.)
- Ryazan history, culture and traditions. <https://62info.ru/history/node/10704> (accessed 01.06.2021).
- Struve G.** Dmitrii Kobyakov. Keramika. Knigoizdatel'stvo “Ptitselov” [Dmitrii Kobyakov. Ceramic. “Bird Catcher” Publ.]. Paris, 1925 (14 p.) [Review]. *Vozrozhdenie*, 1925, no. 6, June 6. (in Russ.)

Информация об авторе

Елена Рудольфовна Обатнина, доктор филологических наук

Information about the Author

Elena R. Obatnina, Doctor of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 03.06.2021;
одобрена после рецензирования 01.09.2021; принята к публикации 01.09.2021
The article was submitted 03.06.2021;
approved after reviewing 01.09.2021; accepted for publication 01.09.2021